

М.А. БАКУНИН И ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Н.И. ГЕРАСИМОВ

Творчество Михаила Александровича Бакунина специфично не только по своей публицистической и эпистолярной форме и не только по своему литературному содержанию. Оно специфично в том, что преодолевает сами границы философии как особого рода литературы. Мировая культурная и политическая история XIX столетия знает не так много имен людей, которые в процессе непосредственной коммуникационной деятельности порождали бы философию самим фактом своей жизни. Биография Михаила Бакунина – это не просто хронология жизни революционера и мыслителя, это совокупность фактов, демонстрирующих человеческий бунт в качестве формы философского творчества.

Бакунин никогда не принадлежал к числу философов, стремившихся воплотить свои мысли в книгах и научных статьях. XIX век поставил перед русской культурой ряд социально-философских и философско-исторических вопросов. Одним из наиболее обсуждаемых был вопрос о прошлом, настоящем и будущем Российского государства. На фоне активных дискуссионных конфликтов между славянофилами и западниками Бакунин выделялся не только тем, что не примыкал ни к одному из отечественных общественно-политических течений, но и тем, что даже в эпоху интеграции публицистической и научно-академической формы философствования он не находил своего места среди уже устоявшихся способов репрезентации мысли. В отличие от Алексея Хомякова, Константина Аксакова и даже Александра Герцена, Михаил Бакунин, понимая всю силу печатного слова, тем не менее относился к нему как к отвлеченному нежизнеспособному средству творческой деятельности. Следуя принципу «дух разрушающий есть дух созидающий, страсть к разрушению есть творческая страсть!», он мог воплотить свои мысли не иначе, как в творчестве революции¹.

За свою жизнь Бакунин успел стать одной из наиболее интересных исторических личностей как в политической, так и в культурной мировой истории. Участие в революционных событиях 1848 г., повстанческая деятельность на баррикадах в Праге и Дрездене, аресты и смертные приговоры в Саксонии, Австрии и России, более 10 лет тюремного заключения в Европе и казематах Петропавловской крепости и Шлиссельбурга, ссылка в Сибирь, побег из ссылки, участие в восстании поляков 1863 – 1864 гг., сотрудничество с Александром Герценом и Николаем Огаревым в «Колоколе», дружба с В.Г. Белинским, И.С. Тургеневым и Н.В. Станкевичем, знакомство с Рихардом

Вагнером и Фредериком Шопеном, работа над революционным движением в Италии, Испании, Швейцарии, сотрудничество с Сергеем Нечаевым, создание Интернационала, закладка фундамента теории анархизма, разработка социалистического федерализма вместе с П.-Ж. Прудоном, полемическая борьба с Карлом Марксом, которая впоследствии привела к идейной вражде между анархистами и социал-демократами марксистского толка — вот неполный набор примечательных фактов из жизни Михаила Бакунина². Несмотря на то, что Бакунин является автором ряда философских сочинений, многие его идеи транслировались, прежде всего, через письма, публичные выступления и философские дискуссии. Бакунин как один из первых русских специалистов по философии Гегеля обладал талантом к оформлению мыслей в структуру философского дискурса, но не имел явного желания заниматься академической философией. Он был также талантливым полемистом и оратором. Свой дар красноречия и способность убедительно аргументировать свою позицию в живом диалоге Бакунин использовал в качестве философского инструментария. В этом отношении такой взгляд на философское творчество близок античной традиции Диогена Синопского, с которым Бакунина роднил и космополитический склад ума, и антропологизм философских рассуждений, и специфическая перформативность в области репрезентации идей³. Исследователь философии М.А. Бакунина П.В. Рябов замечает: «Будучи величайшим знатоком философии Гегеля, Бакунин предпочел жизнь и борьбу философским абстракциям, сумел воплотить в жизнь то, что проповедовал на словах»⁴. Тесная взаимосвязь жизни Бакунина и его творчества выражается также и в повышенном внимании историков русской философии к эпистолярным трудам Михаила Александровича⁵ и воспоминаниям его современников⁶.

Специфика творчества Бакунина и история его жизни составляли благоприятную почву для разного рода мистификаций. К началу XX столетия Михаил Александрович был не только исторической личностью, но и персонажем некоторых художественных, часто мифических повествований. В 1925 г. Алексеем Боровым и Николаем Отверженным была написана книга «Миф о Бакунине»⁷, аналитическое сочинение, рассматривающее разного рода легенды и мистификации, сложившиеся вокруг имени Михаила Александровича. Тревожный тон сочинения оправдан, потому что в социально-политической и философской «антиэологической» деятельности Михаила Бакунина философы и литературоведы Серебряного века стали усматривать иррациональный, романтический и религиозный фундамент.

Мистические основания в творчестве М.А. Бакунина стали видеть уже В.В. Зеньковский, Н.А. Бердяев, Д.С. Мережковский и другие представители философии русского зарубежья. Интеллектуальный

портрет Михаила Александровича стал мистифицироваться, демонизироваться и превращаться в некий отвлеченный образ, не имеющий прямой связи с конкретной исторической данностью. Помыслы и поступки Бакунина-революционера стали интерпретироваться как внешние по отношению к Бакунину-мистикау действия.

В.В. Зеньковский находит у М.А. Бакунина религиозность, мистицизм, романтизм, иррациональность и богоборчество⁸. В центре внимания автора «Истории русской философии» не социально-политические сочинения Михаила Александровича, а его «Исповедь»⁹, воспоминания современников и письма. Анализируя переписку М.А. Бакунина с А.И. Герценом, Н.П. Огаревым, И.С. Тургеневым и многими другими, В.В. Зеньковский констатирует: «В мистических высказываниях Бакунина (ими можно было бы заполнить десятки страниц!) есть очень много сходного со средневековой “спекулятивной мистикой”»¹⁰. Рассуждения Бакунина о том, что пока есть Бог, человек — всего лишь раб, интерпретируются В.В. Зеньковским в русле экзистенциального философского творчества. В.В. Зеньковский убежден, что Бакунин во многом предвосхитил экзистенциализм Сартра¹¹.

Специфическое понимание атеизма М.А. Бакунина как духовного богоборчества мы находим и в трудах Н.А. Бердяева: «Бакунин человек эмоциональный, и атеизм его производит впечатление не отрицания идеи Бога, как ложной и вредной, а борьбы с Богом, богоборства»¹². Говоря о «дионисийских» корнях русского народничества, о том, что все народничество по своим идейным установкам является анархизмом, Н.А. Бердяев утверждает, что Бакунин является центральной фигурой в философии русского анархизма, а значит и «дионисийство» в первую очередь относится к самому Бакунину¹³. Несмотря на то, что Бердяеву не удалось найти в жизни и творчестве Михаила Александровича элементы мистицизма, благодаря увлечению творчеством Ф. Ницше, Бакунин в сочинениях Н.А. Бердяева обрел черты нищеанского героя¹⁴.

Д.С. Мережковский усматривал в «антиатеологизме» М.А. Бакунина глубинный религиозный смысл. Мережковскому как мыслителю, ждущему преображения мира, ждущему «нового завета», образ мыслей Бакунина, безусловно, был близок. В «Грядущем хаме» он пишет: «Этот яростный “антиатеологизм” есть уже не только отрицание религии, но и религия отрицания, какая-то новая религия без Бога, полная не менее фанатической ревности, чем старые религии с Богом»¹⁵. По мнению Д.С. Мережковского, Бакунин выступал не против Бога, а против ложного понимания Бога как власти. В действительности, утверждал он, Бог есть свобода. В этом Бакунин вовсе не был атеистом, как это принято считать. Д.С. Мережковский пишет: «М.А. Бакунин, несмотря на всю свою антиатеологическую ярость, не

черт, а простой человек, да к тому же религиозный»¹⁶. Убеденность Мережковского в религиозных корнях анархизма Бакунина, в том, что Бакунин требовал религиозного обновления, духовного строительства новой религии, согласуется с позицией В.В. Зеньковского, утверждавшего, что «в этой “новой” религии борются между собой откровение и рассудок, а между ними действует мысль»¹⁷.

Д.И. Чижевский рассматривает историю отношения Бакунина к Гегелю как сложный путь богоискательства, в котором мистические и религиозные основания Бакунина-романтика переросли в богоборческие сентенции Бакунина-анархиста¹⁸. О жертвенности и ритуально-религиозной рецепции гуманистических идеалов анархизма М.А. Бакунина говорит и Е.В. Спекторский¹⁹. Философ, правовед и социальный мыслитель М.М. Артемьев в своих неопубликованных сочинениях рассматривает М.А. Бакунина как человека, заложившего мистические и религиозные корни для ожидаемой им правовой теории безвластия²⁰. В примечаниях к своим сочинениям Вячеслав Иванов использует мысли Бакунина, в частности, для интерпретации идей Рудольфа Штайнера²¹.

Приписываемые Бакунину мистицизм, иррационализм и религиозность сформировали особое представление о русском мыслителе, которое помогало решать некоторые историософские задачи. Философы русского зарубежья по ряду политических, социальных и культурных причин стали осмысливать проблему России с той же интенсивностью, что и славянофилы и западники XIX в. Большевицкий террор и высылка многих философов, ученых и литераторов в 1922 г. заставили вновь осмысливать прошлое, настоящее и будущее России. Повышенное внимание уделялось утопической социалистической и ранней марксистской мысли. П.Б. Струве, Л.И. Шестов, Н.А. Бердяев и другие мыслители пытались раскрыть глубинные идейные основания русского социализма и анархизма, выявить их концептуальную специфику, чтобы понять причины и следствия русского большевизма, историческую логику русской культуры. Образ Бакунина постепенно стал превращаться в метафору русского бунта и символ иррационального устройства человеческой свободы. Н.А. Бердяев о М.А. Бакунине: «Он — характерное русское явление, русский барин, объявивший бунт»²². Н.А. Бердяев отмечает, что анархизм Бакунина также есть «славяно-русский мессианизм»²³. Интересно, что образ Бакунина стал использоваться в том числе и для осмысления проблемы русской идеи²⁴, Бакунин становится выразителем некоторого русского духовного начала.

Опыт социалистического движения XIX в. стал особым явлением в русской культуре. Еще современник Бакунина А.И. Герцен увидел в нем не просто предмет исторического исследования, но сюжет для художественного литературного творчества²⁵. Близкий Бакунину по

идеологическим взглядам и устремлениям П.А. Кропоткин также запечатлел хронологию событий освободительных движений XIX столетия, в которых он принимал участие, в форме литературного сочинения²⁶. Печально известные события, связанные с революционной деятельностью Нечаева, легли в основу романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Таким образом, к началу XX в. сложилось не только историческое представление о событиях, связанных с социализмом и анархизмом, но и представление глубоко художественное и литературное.

Как уже было отмечено, жизнь М.А. Бакунина была полна фактов, которые при должном внимании со стороны историков, литераторов и биографов могли бы стать полноценными художественными сюжетами. Поэтому небезосновательно жизнью и творчеством Михаила Александровича стали интересоваться не только философы, но и литераторы русской эмиграции. В 1974 г. в Нью-Йорке выходит книга Романа Гуля «Бакунин»²⁷, в которой историческая хроника событий XIX столетия рассмотрена под призмой жизни Михаила Бакунина в художественно-литературном ключе. Не менее интересной является другая книга этого же автора, изданная ранее, «Скиф в Европе: Бакунин и Николай I»²⁸. Художественными средствами Роман Гуть пытается осмыслить русскую историю через противопоставление свободы и государства. Немаловажным является тот факт, что поэтизированный образ Бакунина — героя книги в произведении символически описывает комплекс событий из эмигрантской жизни Бакунина — исторической личности. Роман Гуть не скрывает, что название книги «Скиф в Европе...» является ссылкой на творчество А.А. Блока. С историко-философской точки зрения такая ссылка не безосновательна.

Автор бессмертного стихотворения «Скифы», как многие литераторы и поэты того времени, увлекался творчеством М.А. Бакунина. В 1907 г. А.А. Блок пишет: «Чиновники плюются и корчатся, а мы читаем Бакунина и слушаем свист огня. Имя «Бакунин» — не потухающий, может быть, еще не расплавленный, костер. Страстные споры вокруг этого костра — да будут они так же пламенны и высоки, чтобы сгорела мелкая рознь!»²⁹

Литература о М.А. Бакунине в начале XX столетия издавалась очень интенсивно³⁰. Именно в это время сложились те культурно-исторические обстоятельства, которые стали основанием для последующей идейной рецепции жизни и творчества М.А. Бакунина философией русского зарубежья. Из общего числа таких обстоятельств можно выделить по крайней мере два явления: мистический анархизм и литературные дискуссии вокруг творчества Ф.М. Достоевского.

Начало XX века — это не только Серебряный век русской литературы, не только рассвет религиозной философии в России, но также и начало интенсивного диалога анархизма с художественно-

литературной богемой и мистицизмом. В это время вокруг литературного сборника «Факелы» при инициативе Г.И. Чулкова складывается кружок мистических анархистов. В эссе «О мистическом анархизме» Г.И. Чулков излагает основные принципы своей философско-художественной концепции³¹. Согласно этому сочинению, в основе общества лежит мистика человеческой природы. Общество не сводится к совокупности социально-экономических отношений. М.А. Бакунин является выразителем мистического понимания бунта, подлинного понимания всякого рода человеческого творчества. Развитие идей Бакунина, согласно Г.И. Чулкову, происходило через творчество Ф.М. Достоевского и софиологию Вл.С. Соловьева. Вячеслав Иванов, который был членом кружка и постоянным автором «Факелов»³², в своей статье «Идея неприятия мира» связывает мистический анархизм с понятием соборности: «Идея неприятия мира — идея мистико-анархическая, поскольку раскрытие ее необходимо вводит нас в круг мистических переживаний личности, и, противопоставляя последнюю свободу, человека, постулирует соборность, как последнюю свободу человечества, исключаящую в сфере общественных отношений всякое принуждение»³³. Таким образом, М.А. Бакунин связывается не только с идеей софиологии, которая будет активно обсуждаться философами русского зарубежья, но и с концепцией соборности, рецепцией которой в среде русских эмигрантов занимались Вячеслав Иванов, Н.А. Бердяев и С.Л. Франк. Авторами «Факелов» и мистическими анархистами также были Л.И. Шестов³⁴ и Д.С. Мережковский³⁵. Большая часть этого кружка впоследствии была выслана за пределы России, где она способствовала развитию философии русского зарубежья. Таким образом, мистический анархизм являлся одним из условий художественно-мистической и концептуальной рецепции жизни и творчества М.А. Бакунина. Вяч. Иванов, Л.И. Шестов и Д.С. Мережковский привнесли в культуру русской эмиграции философское понимание истории творчества М.А. Бакунина.

Другим, не менее важным явлением в реконструкции культурно-исторических обстоятельств, послужившим трансформации Бакунина-анархиста в Бакунина-мистика и Бакунина-героя художественного повествования, стали литературоведческие дискуссии XX столетия о творчестве Ф.М. Достоевского. В то время уже высказывалось предположение, что Бакунин является прототипом героев многих произведений русской литературы. В частности, отмечалось, что Бакунин является прототипом Рудина в романе И.С. Тургенева³⁶. Споры о Бакунине как о прототипе героев произведений Ф.М. Достоевского были особенными. Повышенное внимание деятелей русского религиозного Ренессанса к творчеству Достоевского социально увеличивала значимость таких дискуссий. Творчество русского писателя как лите-

ратурную философию рассматривали и Н.А. Бердяев, и Л.И. Шестов, и С.Л. Франк, и Н.О. Лосский. Публицистическая и научная гуманитарная критика того времени уделяла большое внимание вопросу о том, был ли Бакунин прототипом Ставрогина в романе «Бесы». Наиболее полемическими статьями по этой теме были работы Л.П. Гроссмана и В. Полонского. Начав свой диспут в рамках публичной научной полемики, литературоведы продолжили свой спор на страницах журнала «Печать и революция». Культурная значимость и актуальность этого спора подтверждаются тем, что все критические статьи авторов, направленные друг против друга, в конце концов, были изданы одной книгой «Спор о Бакунине и Достоевском»³⁷. В корпусе этих текстов многократно повторяется мысль, что Бакунин был глубоко религиозной личностью, а масштаб его политической и философской деятельности вдохновлял Ф.М. Достоевского. В.В. Зеньковский высоко оценивает проведенный Л.П. Гроссманом и В. Полонским историко-филологический и историко-философский анализ. В своей «Истории русской философии» он неоднократно ссылается на их работы³⁸. Деятели мистического анархизма также принимали участие в подобных дискуссиях³⁹. Разрабатывал эту проблематику в эмиграции и Ф.А. Степун⁴⁰.

Таким образом, философско-мистические и художественно-литературные обобщения фактов жизни М.А. Бакунина составили фундамент для последующей трансформации исторического облика Михаила Александровича. Социально-политические аспекты его деятельности стали драматизироваться и рассматриваться в качестве символических ориентиров в сфере историософских исследований философов русской эмиграции.

Продолжив начатую в России религиозно-философскую и художественно-литературную рецепцию жизни и творчества М.А. Бакунина, представители философии русского зарубежья сформировали представление о Бакунине как о символе русского бунта. В своих сочинениях они продолжили мистификацию образа Бакунина, используя не только сложившиеся вокруг него споры и домыслы, но также и художественно-литературные обобщения фактов его жизни. Такая мистификация имела в своем основании не политические, а глубоко философские цели. Через образ Бакунина философами русской эмиграции объяснялась историческая логика русской культуры, ее специфика, метафорически разъяснялась и цивилизационная судьба России. На сегодняшний день эту традицию продолжают и современные авторы. Так, П.В. Рябов, отмечая, что «жизнь Бакунина похожа на легенду» считает, что именно Бакунин «вдохновил Рихарда Вагнера на создание образа неистового Зигфрида в его симфониях»⁴¹. В пьесе английского драматурга Тома Стоппарда «Берег утопии» Бакунин является одним из главных героев неоднократно инсценировавшегося художественного произведения⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Рябов П.В.* Краткий очерк истории анархизма XIX – XX века; Анархические письма. – М.: КРАСАНД, 2010. С. 27.

² См.: *Дёмин В.Н.* Бакунин. – М.: Молодая гвардия, 2006; *Пирумова Н.М.* Бакунин. – М.: Молодая гвардия, 1970; *Горев Б.И.* М.А. Бакунин. Его жизнь, деятельность и учение. – Иваново-Вознесенск, 1922; *Графский В.Г.* Бакунин. – М., 1985; *Неттлау М.* Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. – Пг.: Голос труда, 1920.

³ См.: *Рахманов А.Б.* Люмпенизация и люмпенские идеологии от Диогена Синопского до Э. Лимонова // Марксизм и современность. 2005. № 1 – 2.

⁴ *Рябов П.В.* Философия классического анархизма (проблема личности). – М.: Вузовская книга, 2007. С. 170.

⁵ См.: Письма М.А. Бакунина К. Марксу. – СПб.: Современный мир, 1914; *Бакунин М.А.* Письма о Патриотизме. – Пг.; М.: Голос труда, 1920; *Бакунин М.А.* Письма к французам. – Пг.; М.: Голос труда, 1920; *Бакунин М.А.* Послание моим итальянским друзьям. – Пг.; Москва: Голос труда, 1922. Письма М.А. Бакунина к Н.И. Тургеневу / публикация В.А. Черных // Встречи с прошлым. Выпуск второй. – М.: Советская Россия, 1986.

⁶ См.: *Сажин М.П.* Воспоминания. 1860 – 1880. – М., 1925; *Ралли З.* Из моих воспоминаний о Бакунине // О минувшем. – СПб., 1909; *Мечников Л.И.* Бакунин в Италии в 1864 г. // Исторический вестник. 1897. № 3; *Баулер А.В.* М.А. Бакунин накануне смерти. Воспоминания // Былое. 1907. № 7; *Герцен А.И.* Михаил Бакунин // *Герцен А.И.* Собр. соч. Т. VII. – М., 1956.

⁷ См.: *Боровой А., Отверженный Н.* Миф о Бакунине. – Пг.; М.: Голос труда, 1925.

⁸ См.: *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 285 – 301.

⁹ См.: *Бакунин М.А.* Исповедь. – М.: Азбука-классика, 2010.

¹⁰ *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. – С. 288.

¹¹ См.: *Зеньковский В.В.* Апологетика. – Париж: YMCA-Press, 1957. С. 159.

¹² *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж: YMCA-Press, 1955. С. 301.

¹³ См. там же. С. 299.

¹⁴ *Бердяев Н.А.* Самопознание. – М.: Эксмо, 2003. С. 148.

¹⁵ *Мережковский Д.С.* Грядущий хам. – М., 1906. С. 11.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. С. 290.

¹⁸ *Чижевский Д.И.* Гегель в России. – СПб.: Наука, 2007. С. 103 – 135.

¹⁹ См.: *Ткаченко Е.В.* Е.В. Спекторский о русском анархизме // История государства и права. 2007. № 20.

²⁰ См.: *Артёмьев М.М.* Правовые основы безвластия. Библиотека-фонд «Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына». Ф. 12. Оп. 5. Ед. хр. 5.

²¹ См.: *Иванов Вяч. И.* Собр. соч. Т. 4. – Брюссель, 1987. С. 756.

²² *Бердяев Н.А.* Самопознание: сочинения. – М.: Эксмо, 2003. С. 148.

²³ См. там же.

²⁴ См. там же. С. 149.

²⁵ См.: *Герцен А.И.* Былое и думы. – М., 1969.

²⁶ См.: *Кропоткин П.А.* Записки революционера. – М., 1966.

²⁷ См.: *Гуль Р.* Бакунин. – Нью-Йорк, 1974.

²⁸ См.: *Гуль Р.* Скиф в Европе: Бакунин и Николай I. – Нью-Йорк, 1958.

²⁹ *Блок А.А.* Михаил Александрович Бакунин // Перевал. 1907. № 4.

³⁰ См.: *Драгоманов М.П.* Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк. – Казань, 1905; *Кульчицкий Л.* М.А. Бакунин, его идеи

и деятельность. – СПб., 1906; *Андерсон В.М.* Борцы освободительного движения. М.А. Бакунин. – СПб., 1906.

³¹ См.: *Чулков Г.И.* О мистическом анархизме // Факелы. 1906. № 1.

³² См.: *Иванов Вяч.И.* О «факельщиках» и других именах собирательных // Весы. 1906. № 6.

³³ *Иванов Вяч. И.* Собр. соч. Т. 3. – Брюссель, 1979. С. 85.

³⁴ См.: *Шестов Л.И.* Похвала глупости // Факелы. 1907. № 2.

³⁵ См.: *Мережковский Д.С.* Мистические хулиганы // Свободные мысли. 1908. № 38.

³⁶ См.: *Бродский Н.Л.* Бакунин и Рудин // Каторга и ссылка. 1926. № 5 (26). С. 136 – 169; *Битюкова И.А.* Комментарии: Рудин // *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Т. 5. – М.: Наука, 1978. С. 475 – 476.

³⁷ См.: *Гроссман Л.П., Полонский В.* Спор о Бакунине и Достоевском. – Ленинград, 1926.

³⁸ См.: *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. С. 287 – 301.

³⁹ См.: *Иванов Вяч.И.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 756; *Иванов Вяч.И.* Собрание сочинений. Т. 3. – Брюссель, 1979. С. 85.

⁴⁰ См.: *Степун Ф.А.* «Бесы» и большевистская революция // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. – М., 1991. С. 365 – 376.

⁴¹ *Рябов П.В.* Философия классического анархизма. – М.: Вузовская книга, 2007. С. 168.

⁴² См.: *Стонпард Т.* Берег Утопии: Драматическая трилогия. – М.: Иностранка, 2006.

REFERENCES

Anderson V.M. Bortsy osvoboditel'nogo dvizheniya. M.A. Bakunin. – St. Petersburg, 1906.

Artemiev M.M. Pravovoye osnovy bezvlastiya. – Library-Fund of the A.I. Solzhenitsyn House of Russia Abroad. F. 12. Op. 5. Ed. khr. 5.

Bakunin M.A. Ispoved'. – Moscow, 2010.

Bakunin M.A. Pis'ma k frantsuzu. – Petrograd; Moscow, 1920.

Bakunin M.A. Pis'ma M.A. Bakunina K. Marksu. – St. Petersburg, 1914.

Bakunin M.A. Pis'ma M.A. Bakunina k N.I. Turgenevu // Vstrechi s proshlym. Vypusk vtoroy. – Moscow, 1986.

Bakunin M.A. Pis'ma o Patriotizme. – Petrograd; Moscow, 1920.

Bakunin M.A. Poslanie moim ital'yanskim druz'yam. – Petrograd; Moscow, 1922.

Bauler A.V. M.A. Bakunin nakanune smerti. Vospominaniya // Byloe. 1907. № 7.

Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. – Paris: YMCA-Press, 1955.

Berdyayev N.A. Samopoznanie. – Moscow, 2003.

Bityukova I.A. Kommentarii: Rudin // *Turgenev I.S.* Polnoe sobranie sochineniy i pisem. In 30 vol. Vol. 5. – Moscow, 1978.

Blok A.A. Mikhail Aleksandrovich Bakunin // Pereval. 1907. № 4.

Borovoy A., Otverzheniy N. Mif o Bakunine. – Petrograd; Moscow, 1925.

Brodsky N.L. Bakunin i Rudin // Katorga i ssylka. 1926. № 5 (26). P. 136 – 169.

Chizhevsky D.I. Gegel' v Rossii. – St. Petersburg, 2007.

Chulkov G.I. O misticheskom anarkhizme // Fakely. 1906. № 1.

Gorev B.I. M.A. Bakunin. Ego zhizn', deyatelnost' i uchenie. – Ivanovo-Voznesensk, 1922.

Grafsky V.G. Bakunin. – Moscow, 1985.

Grossman L.P., Polonsky V. Spor o Bakunine i Dostoevskom. – Leningrad, 1926.

Gul R. Bakunin. – New York, 1974.

Gul R. Skif v Evrope: Bakunin i Nikolay I. – New York, 1958.

- Dragomanov M.P.* Mikhail Aleksandrovich Bakunin. Kritiko-biograficheskiy ocherk. – Kazan', 1905.
- Dyomin V.N.* Bakunin. – Moscow, 2006.
- Herzen A.I.* Byloe i dумы. – Moscow, 1969.
- Herzen A.I.* Mikhail Bakunin // *Herzen A.I.* Sobranie sochineniy. Vol. VII. – Moscow, 1956.
- Ivanov Vyach.I.* O «fakel'shchikakh» i drugih imenakh sobiratel'nykh // *Vesy.* 1906. № 6.
- Ivanov Vyach.I.* Sobranie sochineniy. In 4 vol. – Brussels, 1971 – 1987.
- Kropotkin P.A.* Zapiski revolyutsionera. – Moscow, 1966.
- Kulczycki L. M.A.* Bakunin, ego idei i deyatel'nost'. – St. Petersburg, 1906.
- Mechnikov L.I.* Bakunin v Italii v 1864 g. // *Istoricheskiy vestnik.* 1897. № 3.
- Merezhkovsky D.S.* Grydushchiy kham. – Moscow, 1906.
- Merezhkovsky D.S.* Misticheskie khuligany // *Svobodnye mysli.* 1908. № 38.
- Nettlau M.* Zhizn' i deyatel'nost' Mikhaila Bakunina. – Petrograd, 1920.
- Pirumova N.M.* Bakunin. – Moscow, 1970.
- Rakhmanov A.B.* Lyumpenizatsiya i lyumpenskie ideologii ot Diogena Sinopskogo do E. Limonova // *Marksizm i sovremennost'.* 2005. № 1 – 2.
- Ralli Z.* Iz moikh vospominaniy o Bakunine // *O minuvshem.* – St. Petersburg, 1909.
- Ryabov P.V.* Kratkiy ocherk istorii anarkhizma XIX – XX veka; Anrkhicheskie pis'ma. – Moscow, 2010.
- Ryabov P.V.* Filosofiya klassicheskogo anarkhizma (problema lichnosti). – Moscow, 2007.
- Sazhin M.P.* Vospominaniya. 1860 – 1880. – Moscow, 1925.
- Shestov L.I.* Pokhvala gluposti // *Fakely.* 1907. № 2.
- Stepun F.A.* «Besy» i bol'shevistskaya revolyutsiya // *Russkoe zarubezh'e v god tysyacheletiya kreshcheniya Rusi.* – Moscow, 1991.
- Stoppard T.* Bereg Utopii: Dramaticheskaya trilogiya. – Moscow, 2006.
- Tkachenko E.V.* E.V. Spektorskiy o russkom anarkhizme // *Istoriya gosudarstva i prava.* 2007. № 20.
- Zenkovsky V.V.* Apologetika. – Paris: YMCA-Press, 1957.
- Zenkovsky V.V.* Isoriya russkoy filosofii. In 2 vol. – Rostov-on-Don, 2004.

Аннотация

Статья посвящена историко-философскому анализу образа М.А. Бакунина в сочинениях философов русского зарубежья. В работе рассматривается генезис и причины формирования этого образа. Доказывается, что мистический анархизм и литературоведческие дискуссии вокруг творчества Ф.М. Достоевского в начале XX столетия послужили началом философской мистификации образа М.А. Бакунина.

Ключевые слова: Бакунин, анархизм, философия русского зарубежья, литературные дискуссии, Достоевский.

Summary

The article presents the historical and philosophical analysis of the image of M.A. Bakunin in the writings of philosophers of Russian diaspora. It deals with the genesis and causes of origin of this image. The author proves that the mystical anarchism and literary discussions around Dostoevsky's creativity in the early XX century marked the beginning of philosophical mystification of Bakunin's image.

Keywords: Bakunin, anarchism, Russian philosophical immigration, literary discussions, Dostoevsky.